ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 372.08

Т. А. Знаменская

ФОРМИРОВАНИЕ ДВУЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы билингвизма и его влияния на языковую личность. Дается описание видов билингвизма; перечислены различные факторы, воздействующие на формирование билингвальной компетенции человека: возраст, индивидуальный опыт билингва, социокультурные условия взаимодействия двух языков и т. д. Отмечаются как положительные, так и отрицательные изменения в родной речи при изучении другого языка.

Особое внимание уделяется вопросам предотвращения интерференции родного языка в процессе обучения иностранному. Чтобы добиться высокой степени аутентичности иноязычной речи билингвов, создать платформу для развития двуязычной языковой компетенции, преподавателю следует учитывать особенности национальной стилистики, коммуникативных стратегий и речевых тактик как родного, так и приобретаемого языка. Сравнительный анализ лингвистических различий на уровнях фонетики, лексики, грамматики, стилистики производится на примерах английской и русской речи. Автор убежден, что для эффективного осуществления межъязыковой и межкультурной коммуникации необходим интегративный междисциплинарный подход, объединение лингвистической теории и методики преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: билингвизм, языковая компетенция, двуязычная компетенция, интерференция, языковая самоидентификация, языковая личность, языковая аутентичность, уровни двуязычия, коммуникативные стратегии, речевые тактики, национальная коммуникативная стилистика.

Abstract. The paper considers the problem of bilingualism and its effect on the personality of the speaker. Various types of bilingualism are described along with the factors determining the bilingual competence formation: age, individual experience, socio-cultural conditions of the native and foreign language interaction. The author points out both the positive and negative impact on the native language as the result of the second language learning.

The special emphasis is on language interference in the process of learning a foreign language. To make sure the students achieve the adequate degree of its authenticity, and therefore the bilingual competence, the teacher should take into account the specificity of national styles, communicative strategies and speech tactics of both languages. A comparative analysis of linguistic differences of the English and Russian languages is demonstrated on the level of phonetics, vocabulary, grammar and national communicative stylistics. The author maintains that successful inter-language and cross-cultural communication requires the integrative cross-disciplinary approach, consolidation of the linguistic theory and methods of foreign language teaching.

Keywords: bilingualism, language competence, natural and artificial bilingualism, bilingual competence, language interference, linguistic self-identification, linguistic authenticity, bilingual levels, communicative strategies, linguistic behavior, national communicative style.

Двуязычие, или билингвизм, – это попеременное практическое использование двух (или более) языков, причем степень этого использования и соотношения языков разными специалистами и учеными определяется неодинаково. Американский лингвист Л. Блумфильд, например, считал, что билингвизм подразумевает равное владение каждым из языков на уровне родного [5], согласно данному мнению, к билингвам можно отнести большинство жителей Канады, Швейцарии или пограничных с Францией районов Бельгии. Другая точка зрения, выраженная У. Вайнрайхом [13], состоит в том, что речевая компетенция в родном языке и знание иностранного языка могут отличаться.

Процесс перестройки с одного языкового кода на другой, т. е. переход из одной семиотической системы в другую, который совершается человеком, овладевающим новым языком, привлекает внимание многих психологов, психолингвистов, социолингвистов, поскольку причины такой перестройки бывают, как правило, экстралингвистическими. Интересует он, конечно, и лингвистов, и педагогов, в том числе и в плане влияния изучения иностранного языка на поведение на родном языке.

Французский ученый А. Буало разделял билингвизм на естественный (бессознательный) и искусственный (осознанный) [6]. Первый возникает и существует благодаря естественным регулярным контактам живущих на одной территории разноязычных народов и предполагает наличие у них одновременно двух вариантов выражения на соответствующих языках мыслей, чувств и пр. Ес-

тественное двуязычие можно обнаружить в любой нашей автономной и бывшей союзной республике.

Искусственный билингвизм возникает в результате специального обучения. Приступая к освоению иностранного языка, человек уже обладает навыками родной речи, которые стремится перенести на новый язык. Иностранные слова в этом случае воспроизводятся путем внутреннего перевода. Видя, например, в тексте английское «house», русский по рождению учащийся соотносит его не с предметом, а со словом «дом». Такого же рода интерференция, иногда даже в большей степени, происходит и на уровне предложения – как при переводе с иностранного на родной, так и при построении высказывания на иностранном языке.

Языковой перенос правомерен и возможен, если языковые подсистемы сопоставимы. Например, в русском и английском есть категория числа (единственное и множественное), есть части речи, общие для двух языков, категории настоящего, прошедшего и будущего времени и т. д. Однако те или иные лингвистические явления и категории могут быть в одном языке и отсутствовать – в другом. Например, в английском имеются герундиальные и инфинитивные комплексы, перфектные формы, артикли, продолженное время, но их нет в русском; в русском же, в отличие от английского, развиты морфология и согласование форм слов в предложении, есть склонение существительных и т. д. В случаях алломорфизма, отсутствия аналогий в разных языковых системах очень часто наблюдается неправомерный перенос явлений родного языка на иностранный. То, что понимают под акцентом в широком смысле этого слова, является результатом подобной языковой интерференции – неверного наложения одного языка на другой.

Немецкий ученый Г. Шухардт сделал вывод: речевое общение между двумя языковыми коллективами ввиду трудностей ведет в диахроническом плане к перестройке общих языков в сторону их упрощения [12].

Так, сегодня серьезную угрозу сохранению идиоматичности и богатству английского национального языка британские ученые видят в его превращении в глобальное стандартизированное средство международного общения. Стремясь к экономии усилий, билингвы пытаются достичь симметрии, состояния двуязычного изоморфизма. Максимально используются все языковые явления, со-

впадающие в родном и иностранном языках, и игнорируется то, что разнится. Носитель русского при построении высказывания неизменно выбирает «родную» модель и практически никогда более идиоматичную «английскую» структуру. В таблице приведено несколько подтверждающих примеров из нашей собственной практики преподавания и общения с носителями английского языка.

Сравнение построения высказываний носителем русского и английского языков

Фраза на русском языке	Перевод носителя русского языка на английский	Фраза на английском языке
Мне надоел этот холод	*I'm sick and tired of this cold*	*I've had it with this cold*
Есть в этом что-то забавное	*There is something funny in it*	*There's a funny side to it*
Он не понял этой шутки	*He didn't understand the joke*	*The joke was lost on him*
Придать новый смысл чему-то	*To give a new sense to somethig*	*To read a new meaning into somethig*

Как видим, во всех случаях экономия усилий при выборе конструкции перевода интуитивно проявляется говорящим в пользу привычной русской речевой логики.

Различают три уровня владения чужим языком: начальный (второй язык выполняет только информативно-коммуникативную функцию), переходный (среди прочего проявляется экспрессивная функция) и адекватный (возникает мыслительный процесс на втором языке). Последний уровень наиболее близок к естественному билингвизму (примеры: английский и русский у В. В. Набокова; английский и французский у С. Моэма или О. Уайльда). Относительно изучения иностранного языка в вузе можно говорить лишь о начальном уровне. При обучении второму языку в условиях интеграции в новом языковом коллективе, т. е, в стране изучаемого языка, вероятно быстрое и эффективное достижение последующих двух уровней. Однако в этом случае возникает угроза потери собственной идентичности с родной культурой и обществом. Изменение языковой личности как серьезная проблема и угроза самоидентификации рассматривается социолингвистами, этнолингвистами, лингвокультурологами [4].

Весьма распространено мнение, что наиболее эффективно обучение иностранному языку начиная с раннего детского возраста при погружении в иноязычную среду, как это происходит, на-

пример, в семьях эмигрантов или приемных семьях из-за рубежа. Однако в исследованиях, посвященных этим проблемам, отмечаются не только положительные результаты этих интеграционных процессов, но и множество отрицательных последствий. Так, в книге Н. Ш. Александровой «Родной язык, иностранный язык и языковые феномены, у которых нет названия» анализируются многочисленные работы ученых разных стран, посвященные билингвизму [9, 7, 8, 10, 11 и др.]. На материале многих языков (корейского и французского, немецкого и русского, итальянского и немецкого, греческого и русского, персидского и немецкого и др.) приводятся свидетельства примитивизации как первого, так и второго языка и частой утраты родного языка [1, с. 88–100]. Причем «та или иная степень обеднения родного языка при погружении в новую языковую среду наблюдается не только у школьников, но и у взрослых и выражается в некоторой дезавтоматизации родной устной и письменной речи» [1, с. 93]. Под дезавтоматизацией в данном случае подразумевается неуверенность в построении фраз, выборе словарных форм, согласовании, ударении и пр.

На наш взгляд, совмещение двух языков в раннем детском возрасте наносит серьезный урон языковой компетенции. Активное освоение нового языка всегда сопровождается заметными потерями в родном языке. В некоторых случаях (особенно если в семье не поддерживается родной язык) ребенок теряет навыки общения на родном языке. Иногда изменения столь необратимы, что при попытках восстановления родного языка его приходится учить заново как иностранный.

Наиболее благоприятным возрастом для погружения в новую лингвокультуру считается 10–11 лет с условием активного содействия сохранению родного языка. При сознательном усвоении второго языка можно избежать печальных последствий, но возникает другая проблема – сильное влияние родного языка, т. е. языковая интерференция.

Опытный педагог для предотвращения интерференции может спрогнозировать возможные ошибки, добиться максимальной аутентичности в сохранении собственной языковой личности говорящего на родном или иностранном языке. Для успешного решения этих задач преподавателю необходимо знать наиболее ти-

пичные случаи этого явления интерференции, которые существуют на всех языковых уровнях.

I. *Фонетическая* интерференция – наиболее устойчивый недостаток, практически не поддающийся полному преодолению. Даже при хорошем знании грамматики и лексики произношение звуков и интонация выдают не носителя языка. Например: англичане, изучающие русский язык, как правило, не оглушают конечный согласный, с трудом овладевают русской интонацией, в которой преобладает тенденция понижения по сравнению с английским.

У русских, говорящих по-английски, наоборот, происходит оглушение конечных звонких согласных, не выдерживается долгота гласных, плохо усваиваются звуки, отсутствующие в русском языке (*w*, сочетания *th, ng, ir, er*), дифтонги и т. д.

II. На *лексическом* уровне англичане испытывают сложности в употреблении предлогов, не совпадающих с английскими в тех же сочетаниях (*ждать для…),* глаголов с видовыми приставками (*отъехать, подъехать, уехать, выехать, заехать, съехать, наехать* и пр.); смешивают в узусе кажущиеся идентичными синонимы (например: *Тоже* (вместо *также*) *мы хотели бы увидеть новый образец)* и т. п. Трудноразличимыми для носителей английского языка являются формы русских прилагательных, обладающих сложной морфологией или снабженных оценочными суффиксами (примеры ошибок: *консерваторский* вместо *консервативный, журналистический* вместо *журналистский* и т. п.).

И русские, и англичане допускают такую типичную лексическую ошибку, как смешение валентности, т. е. неправильное сочетание слов. *Do* и *make* переводятся одним глаголом *делать,* отсюда типичная ошибка русских в их употреблении на английском: существуют устойчивые сочетания, типа *to make a mistake, to make a face, to make a mess,* в которых не употребляется глагол *to do,* и, наоборот, сочетания *to do the job, to do one's hair, to do one's duty, to do one's best*, не допускающие употребления глагола *to make.* Или, несмотря на соответствие русского глагола *убеждать* английскому *convince* или *persuade,* возможен только один правильный перевод выражения *убежденный холостяк – confirmed bachelor.*

Существуют отличия во внутренней семантической структуре сходных по значению слов. Например, ошибка в речи русских свя-

зана с глаголами *learn* и *teach,* так как оба они при переводе могут быть представлены глаголом *учить.* В английском же первый глагол означает *изучать,* а второй *обучать.* И такие лексические ловушки подстерегают осваивающего иностранный язык на каждом шагу.

Под влиянием аналогий в родном языке нередко при попытке употребления иностранного слова происходит искажение его значения. Так, английское *science* подразумевает только естественные науки, *humanities* – гуманитарные; русские же, говоря по-английски, как правило, не разграничивают этих значений и используют *science* и для естественных, и для гуманитарных наук, так как в русском языке понятие *наука* объединяет все отрасли знания. То же происходит с такими словами, как *barracks (казармы,* а не *бараки), salute (приветствие,* а не *салют), minister (священник* в первом значении лексемы) и т. д.

К стилистической неадекватности также ведет чрезмерное увлечение сленгом, который иностранцам рекомендуется употреблять очень осторожно, так как он очень быстро устаревает и его коннотации обычно понятны только носителям языка, но не всегда осознаются иностранцами. Так, например, сленгизм *joint* до середины XX в. использовался в значении «жилье», но в настоящее время приобрел значение «сигарета с марихуаной, косячок»; сленговое выражение *broad* в 30–50 гг. прошлого столетия означало «привлекательная девушка или женщина», сейчас оно претерпело семантические изменения и получило явно негативную окраску. Такие «превращения» происходят сплошь и рядом и часто вообще не фиксируются словарями, оставаясь фактами лишь устной речи. Поэтому неразборчивое употребление сленга может привести в лучшем случае к нарушению смысла и недоумению собеседника, а в худшем – к неловкой ситуации.

К распространенным случаям лексической интерференции относится и так называемая «пиджинизация» языка – перенесение лексических единиц других языков в родной, когда это ничем не оправдано. Безусловно, без заимствований любому языку не обойтись, и многим словам, маркирующим новые явления, невозможно найти замену. Так, уже привычными стали пришедшие извне *имиджмейкер, Интернет, пиар,* нет альтернативы совсем свежим *айпад, смартфон, флэшмоб, блоггер.* Для большинства из них в рус-

ской лексике отсутствуют аналоги. В случае же наличия таковых происходит невидимая и не осознаваемая многими борьба лексем за право на существование. Бывает, отечественные синонимы незаметно исчезают с арены лингвистических «баталий», как это, например, произошло с замещенной компьютером аббревиатурой *ЭВМ*, которую, видимо, скоро можно будет отнести к архаизмам. Иногда сопротивление бесполезно, поскольку язык сам регулирует ассимиляцию иноязычных слов или вытеснение их словами родного языка. Одним из образцов саморегуляции в пользу русского языка может служить заимствование *live journal*, которое в современном употреблении все больше замещается русским словосочетанием *живой журнал (ЖЖ)*.

Вместе с тем, происходит засорение языка словами типа *пуш-ап эффект, перформанс, промоушн, интродуктивный, блокбастер, вау, упс* и др., многие из которых являются необоснованными заменителями тех, что имеются в родной речи.

Разумеется, повлиять на язык и отменить слова, которые нам не нравятся, нельзя. Однако, преподаватель иностранного языка способен повлиять на грамотность студентов в использовании не только изучаемого, но и родного языка.

III. *Грамматическая* система обычно более логична, чем фонетическая, лексическая или стилистическая. Здесь действуют достаточно четкие правила, поэтому она, по сравнению с другими разделами языка, легче для усвоения.

Тем не менее на грамматическом уровне наблюдается интерференция моделей родного языка там, где языковые явления не совпадают. Например, англичане, изучающие русский, склонны употреблять вспомогательные глаголы и сложные аналитические формы там, где это не нужно: *я буду идти, я буду говорить* и т. п. Им кажутся очень сложными падежные формы существительных, личные формы глаголов, согласования по роду, числу и падежу из-за отсутствия или несовпадения этих категорий и их морфологического выражения в английском. Русские, в свою очередь, неизменно предпочитают форму Past Indefinite вместо Present Perfect для выражения прошедшего времени; избегают длительных форм Continuous (Progressive), Present Perfect Continuous, Absolute Participle Construction, Verbal Complexes; затрудняются в использовании артиклей, отсутствующих в русской грамматике. Очень час-

то ошибки вызваны механическим переносом из родного в изучаемый язык (знания – knowledges, деньги – money are, советы – advices) или неверной аналогией внутри изучаемого языка (например, согласование по «ложной» форме множественного числа – the news are).

IV. *Стилистические* ошибки (путаница значений слов, их коннотаций в соответствующем контексте, специальных оборотов, этикетных формул и т. д.) – одни из наиболее частых и наиболее плохо изживаемых.

Сравнивая в русской и английской речи способы отбора говорящими языковых средств для определенных целей коммуникации, можно заметить специфику национальной стилистики, в большой мере влияющую на языковую личность пользователя конкретного языка.

Особенности стилистики английской и русской речи проявляются прежде всего в диалоге, который содержит набор предложений различных коммуникативных типов: вопросов, ответов, императивов. Наибольшее разнообразие вариантов среди вопросов-запросов информации и квази-вопросов (вопрос-совет, вопрос-побуждение, вопрос-подтверждение и т. п.).

В большинстве случаев вопрос, запрашивающий информацию, в русском более прямолинеен и менее вариативен, чем в английском. Ср.: *Не скажете (не знаете), который час?* и *Could you tell me the time, please? Would you know the time? Do you happen to know what time it is (what's the time)?* Для подобных вопросов в английской речи характерна, пользуясь понятием В. Г. Гака, разговорная проксемика – соблюдение психологического расстояния между говорящими [3, с. 13]. Англичане часто задают вопрос без вопросительной формы, с тем чтобы не оказывать давления на собеседника. Например, для выяснения, где находятся остановка или банк, расхожими являются фразы *I'm looking for a bus-stop* или *I wonder if there's a bank nearby.* Такая речевая тактика оставляет адресату обращения право на выбор – вступать или не вступать в коммуникацию.

Этикетные формулы советов в английском также более разнообразны и толерантны. Кроме аналогично выраженных в обоих языках ассертивных советов вроде *Тебе необходимо сменить обстановку,* часто сопровождаемых субъективными модальными обо-

ротами *по-моему, я считаю, на мой взгляд, мне кажется (to my mind/if you ask me I think you need a change),* англичане чаще, чем русские, выбирают совет в виде вопроса, например *Do (don't) you think a change would do you good?.*

Еще более очевидны указанные тенденции в проявлениях императива. В английском для общепринятых норм общения, исключая специфические регистры (административную, военную сферы или экстремальные ситуации), характерна коммуникативная толерантность. Для этой цели существует целый ряд конструкций (*Why don't you...; How about...; What would you say to...; What do you think of...; Wouldn't it be a good idea...Vdon't* и пр.), свидетельствующих о расположенности к диалогу и о признании права собеседника на выбор и независимое принятие решения.

В русском языке просьба, совет и императив носят гораздо более категоричный характер. Конструкции, содержащие формы, аналогичные выше перечисленным в английском, иногда встречаются в роли совета, но практически никогда в роли императива.

Важным показателем национальной стилистики языка являются речевые стереотипы. Особую роль в английском речевом поведении играют повторы как в вопросе, так и в ответных репликах. Их основная функция контактоустанавливающая, или, по выражению Р. Якобсона, фатическая. Наравне с междометиями и этикетными формулами повторы относятся к тем речевым стереотипам, которые в силу своей семантической пустоты, и в то же время обязательного присутствия в процессе коммуникации, являются, по мнению В. А. Виноградова, манифестацией языка в культуре, необходимой составной частью базисных концептов национальной культуры [1, с. 18].

Английский диалог, в отличие от русского, немыслим без повторов, как в вопросах, так и в утверждениях и ответных репликах. Это так называемый вопрос-подхват, вопрос-повтор или вопрос-эхо, например*: I arrived yesterday. – Did you?; It was midnight. – Was it?; You called him back, didn't you; I'm your mother aren't I?* Ответы на прямой вопрос в английском языке всегда сопровождаются тавтологическим повтором (*Yes, I did; No, I didn't* и т. п.), нехарактерным для русского языка. Очевидно, что в большинстве случаев эти повторы чисто декоративны с информативной точки зрения. Тем не менее именно они являются показателем «настоя-

щего» английского диалога и всегда выдают неносителя языка, так как русский, говорящий на английском, часто пренебрегает этими «излишествами», нетипичными для его отечественной коммуникативной стилистики. То, что соответствует вежливой норме общения в русском языке – краткий ответ «да» или «нет», для англичан приобретает категоричный, «неприветливый» оттенок.

Активное использование повторов в английском придает речи особую динамику апеллятивности (постоянного обращения говорящего к собеседнику) и интерактивности (сигнализации слушающего о его участии в акте общения).

Обобщим изложенное. В целом, национальная стилистика английской речи по сравнению с русской характеризуется большей вариативностью этикетных формул, соблюдающих психологическое расстояние и исключающих прямое давление на собеседника; толерантностью; апеллятивностью; совещательностью; интерактивностью. Русская же речь демонстрирует прямолинейность, высокую степень категоричности и императивности. Все эти особенности необходимо учитывать при обучении иностранному языку, чтобы добиться высокой степени аутентичности иноязычной речи билингвов без тех помех, которые накладывает языковая интерференция. Решение этих проблем возможно при объединении разработок в области лингвистической теории, с одной стороны, и методики преподавания иностранного языка – с другой. Такой интегративный междисциплинарный подход позволяет создать платформу для формирования двуязычной языковой компетенции, необходимой для успешного осуществления межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Литература

1. Александрова Н. Ш. Родной язык, иностранный язык и языковые феномены, у которых нет названия // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 88–100.

2. Виноградов В. А. Язык и культура в их соотношении и взаимодействии // Язык и культура: материалы международной научной конференции. М., 2003. С. 18–19.

3. Гак В. Г. Язык и культура: язык или культура? // Язык и культура: материалы II Междунар. науч. конф. М., 2001.

4. Гулида В. Б. Петербургская социолингвистика: пятнадцать лет развития // Вопр. языкознания. 2010, № 2. С. 106–119.

5. Bloomfield L. Language. London, 1935.

6. Boileau A. Le probleme du bilinguisme et la theorie des substrats langues vivantes. Bruxelles, 1946.

7. Burkhard-Montanari E. Wie Kinder mehrsprachig aufwachsen. Frankfurt-am-Main, 2002.

8. Jampert K. Sprachforderung entsteht uber Beziehung und Aktivitat Treffpunkt deutsche Sprache Eine Tagungsdocumantation Projektheft 5. Munchen, 2001.

9. Olshtein E. The attrition of English as a second language with speakers of Hebrew // Language attrition in progress. Dordrecht, 1986.

10. Pallier C. et al. Brain imaging of languge plasticity in adopted adults: can a second language replace the first? // Cerebral Cortex. 2003. № 13. P. 155–161.

11. Skutnabb-Kangas T., Toukomaa K. Teaching migrant children's mother tongue and learning the language of the host country in the context of the socio-cultural situation of the migrant family. (UNESCO-Report). Tampere, 1976.

12. Schuchardt H. Kreolische Studien. Wien, 1888.

13. Weinreich U. Languages in contact: findings and problems. The Hague, 1963.